

Шэнь Юй на мгновение замер. Непроизвольно вскинув взгляд, он неожиданно для самого себя столкнулся с чьим-то взором.

Теплые лучи солнца падали на плечи юноши, окрашивая их в золотистые тона. Взгляд, направленный на него, был глубоким и холодным, словно омут, а брови — густыми, будто начертанными тушью.

Сердце Шэнь Юя тут же заколотилось. Этот случайный зрительный контакт заставил его дыхание участиться, а уши — вспыхнуть огнем. Он хотел отвернуться, чтобы избежать этой неловкости, но ноги словно налились свинцом, не желая слушаться, а тело и душа оказались не в силах перестать смотреть на этого человека.

Высокая фигура Цзян Чжана задержалась на секунду, а затем, едва коснувшись плечом Шэнь Юя, направилась прямо к своему месту.

Шэнь Юй остался стоять перед стенгазетой, как истукан, провожая взглядом широкую спину, что скрылась во втором ряду. Его сердце готово было вырваться из груди.

Лишь когда прозвенел звонок на урок, он, подобно марионетке на ниточках, переставил ноги и вернулся на свое место.

Чэнь И, который все это время наблюдал за ним с задних парт, воспользовавшись тем, что учитель еще не пришел, тут же прошептал:

— Чего ты застыл? Они закончили говорить, мог бы просто подойти и врезаться в него. Смотрю на тебя — сидишь, как перепелка. Чего ты боишься?

Затем он бросил взгляд на парту Цзян Чжана и, заметив отсутствие контейнера с едой, усмехнулся:

— Он даже не взял гостинец от Сюй Шуи. Может, и вправду не такой, как о нем болтают? Как думаешь?

Шэнь Юй, еще не оправившийся от того мимолетного столкновения взглядов, почти не слышал, что ему говорят. Он открыл учебник и спрятал лицо за ладонями, боясь, что окружающие заметят его покрасневшие уши и щеки.

Впервые, впервые он так долго смотрел в глаза Цзян Чжаню. Он был готов сойти с ума. Это заставляло сердце биться еще сильнее, чем если бы он просто налетел на него.

— Почему молчишь? — Чэнь И подался вперед, заглядывая ему в лицо, желая расспросить подробнее, но в этот момент в класс вошла Чжао Цзинь с пачкой тетрадей. Ему пришлось проглотить свой вопрос.

Едва переступив порог, Чжао Цзинь окинула класс острым взглядом. Несмотря на легкую усталость, читавшуюся на лице, она не утратила своей властности. Поправив очки средним пальцем, она произнесла строгим тоном:

— В ближайшие дни во время перемен никому не покидать кабинет. Выходить только в уборную, в остальное время — сидеть на своих местах. Если увижу, что кто-то бежит в коридоре или курит в туалете, — накажу каждого, кого поймаю.

Как только эти слова прозвучали, в классе начался шепот:

— Что случилось? Почему даже в коридор нельзя?

— Это из-за полиции снаружи? Я уже видела нескольких.

— Наверное, речь о Ло Линь с нашего факультета?

— Должно быть, это она. Разве не говорили, что ее...

— Боже, серьезно? Какой ужас.

— Не знаю, я тоже только слышал.

— Неужели это кто-то из нашего университета сделал?

— Видимо, перешла кому-то дорогу.

— Непонятно.

— Страшно-то как, это ведь живой человек был. Я теперь даже домой одна ходить боюсь...

Чэнь И, слушая это, тоже был поражен. Он наклонился к Шэнь Юю:

— Это правда? Ло Линь действительно расчленили?

Шэнь Юй, спрятав лицо за стопкой книг, лишь покачал головой, но пальцы, сжимавшие ручку, побелели от напряжения.

Чэнь И посмотрел на пустую парту впереди и пробормотал себе под нос:

— Хоть эта девица и была противной, но это слишком жестоко. Тот, кто это сделал, настоящий псих. Сколько лет в городе А не было убийств, если не считать прошлогодних случаев с Цзян Е и Ся Юйцином.

— Тишина! — Чжао Цзинь ударила ладонью по столу, издав оглушительный звук. — Раз уж вы такие говорливые, выходите все сюда и ведите урок целый час!

От этого хлопка класс моментально притих. Все опустили головы, переглядываясь между собой. Чжао Цзинь несколько раз обвела взглядом аудиторию, нахмутив морщинистые брови:

— Что замолчали? Только что были такие громкие.

Ученики нервно сглатывали, уткнувшись в страницы учебников. Видимо, это было лишь простое предупреждение — не став вдаваться в подробности, Чжао Цзинь постучала костяшками пальцев по толстой пачке контрольных работ и холодным голосом произнесла:

— В этот раз результаты теста у всех упали. Средний балл снизился на несколько пунктов, даже элементарные задачи, которые мы разбирали, вы решаете неверно. А некоторые личности — мало того что списывают, так еще и формулы умудряются переписать с ошибками!

По рядам пронесся слабый ропот, но он был куда тише прежнего.

Чэнь И внутри все сжалось. Он слегка повернул голову и прошептал из-за стопки книг:

— Шэнь Юй, у тебя... у тебя ведь в той теоретической задаче все правильно?

— А? — Шэнь Юй, оторвавшись от своих мыслей, повернулся в сторону друга: — Вроде бы...

Не успел он закончить фразу, как спереди раздался удар учебником по столу.

— Бах!

— Опять болтаете! Опять! — последовал гневный окрик. — Шэнь Юй, встать!

Ресницы Шэнь Юя дрогнули, он медленно поднялся, опустив голову, и лицо его мгновенно побледнело.

На него тут же устремились насмешливые взгляды. Те, кто его недолюбливал, холодно хмыкали, прикрывая рты ладонями и наблюдая за представлением.

Шэнь Юй, перебирая пальцами страницы, украдкой глянул на Цзян Чжана. Увидев, что тот сидит не оборачиваясь, он немного выдохнул.

Чжао Цзинь, глядя на парня, вжавшего голову в плечи, ткнула пальцем в контрольную работу и закричала:

— Ты посмотри на себя! В этот раз опустился еще ниже. Даже в тех задачах, что мы разбирали, умудрился наделать ошибок. Вечно сидишь на уроках с отсутствующим видом, глазами хлопаешь, не пойми куда смотришь! Мысли твои явно не на учебе. Если так пойдет и дальше, можешь вообще не сдавать экзамены, оставайся на второй год!

Класс взорвался смешками.

— Думаю, наш средний балл понизил именно этот Шэнь Юй.

— Точно-точно.

— Математика такая слабая, а хватило же наглости перевестись на наш инженерный факультет. Самоуверенный какой.

— Наверное, возомнил себя Эйнштейном, ха-ха.

Чэнь И стало еще страшнее. Он дернул соседа за рукав, но его тут же засекла зоркая Чжао Цзинь. Ее тон стал еще суровее:

— И ты, Чэнь И! Тоже встать!

Чэнь И поморщился, нехотя оторвал зад от стула и, подражая Шэнь Юю, спрятал лицо.

Чжао Цзинь спустилась с кафедры, держа в руках их работы, и с грохотом швырнула на парту исчерканные красным листы. От удара ручки и карандаши подпрыгнули, и Шэнь Юй невольно вздрогнул.

Чжао Цзинь посмотрела на них с досадой:

— Если продолжите в том же духе, оба пойдете на пересдачу.

Чэнь И ковырял страницы, не слушая учителя, и не заметил, как попался ей на глаза.

— А ты, Чэнь И, особенно! Раз уж списываешь — списывай нормально, как можно было переписать формулу с ошибкой?! — она схватила его работу и начала яростно тыкать пальцем в задачу. — Смотри сюда: девятку переписал как букву кью! Почему ты тогда не перепутал лошадь с ослом, а утку с гусем? Даже у того, у кого списывал, баллов меньше на одиннадцать стало, ну ты даешь! Настоящие Волун и Фэнчу, нашли друг друга, два сапога — пара!

— Ха-ха! — по классу пронесся дружный хохот.

Видя, что Шэнь Юй опустил голову еще ниже, Чжао Цзинь хотела продолжить нотации:

— Шэнь...

Она не успела закончить — ее прервал холодный голос:

— Учитель.

Шэнь Юй, уже приготовившийся слушать гневные тирады, замер, его руки, сжимавшие учебник, остановились. Он почти сразу поднял лицо. Горло пересохло и сжалось от напряжения.

Цзян Чжань, не выражая никаких эмоций, произнес, едва шевеля губами:

— Можно начинать урок? Вы уже потратили пятнадцать минут. Времени осталось всего тридцать минут. Если продолжите тратить его впустую, вы не успеете дочитать материал, как обычно.

Чжао Цзинь, прерванная на полуслове, осеклась. Особенно когда поняла, что это Цзян Чжань, лучший ученик года. Она взглянула на наручные часы — действительно, времени было потеряно немало.

Ей оставалось лишь бросить на обоих уничтожающий взгляд:

— Сядьте. Оба. После уроков перепишите ошибки по десять раз и завтра принесете мне в кабинет.

Закончив, она на своих каблуках вернулась за кафедру и начала вызывать учеников за работами.

Шэнь Юй, казалось, весь сжался. Он безвольно опустился на стул, в глазах против воли защипало. Боясь, что кто-то заметит, он уткнулся в тетрадь и начал беспорядочно чиркать ручкой по листу, продавливая бумагу до дыр.

Он не знал, что делает и зачем. Он лишь знал, что всякий раз, когда он оказывается в таком положении, это обязательно видят другие.

Как же позорно.

<http://bllate.org/book/21862/2268904>